

В.Ф. Петренко

МНОГОМЕРНОЕ
СОЗНАНИЕ:
психосемантическая
парадигма

Москва **НОВЫЙ
ХРОНОГРАФ** 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ	От автора	7
	Александр Асмолов	
	Мастер полифонии сознания	11 (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ)
глава 1	Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли	18
глава 2	Психосемантические аспекты картины мира субъекта	54
глава 3	Что есть истина? или Наш ответ лорду Чемберлену	88
глава 4	Конструктивистская парадигма в психологической науке	104
глава 5	Теория отражения, конструктивизм, интуитивизм как методологические парадигмы психологии	130
глава 6	Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии	158
глава 7	Медитация как непосредственное познание	200
глава 8	Кросс-конфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом	250
глава 9	Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма)	272
глава 10	Психосемантика массовых коммуникаций	302
глава 11	Образы, символы, представления в идеологической борьбе за ментальное пространство	338
глава 12	Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов	378
	А.М. Улановский	
	От семантики образа к идеям конструктивизма	427 (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Постмодернизм провозгласил «смерть автора», имея в виду то, что текст современного писателя, журналиста, автора частного письма или компьютерного блогера представляет собой смесь (микс), коллаж чужих мыслей, цитат, стереотипных суждений, расхожих мнений. Поистине нет ничего нового под луной, и кажущиеся нам самим откровения есть не что иное, как извлечение из окружающего нас насыщенного интеллектуального раствора и духовной атмосферы кристаллов смыслов и значений. Автор выступает как аттрактор (на языке И. Пригожина) этого динамического процесса кристаллизации мыслей. И чем насыщеннее эта среда, тем легче автору породить свои идеи.

Согласно Н. Бахтину и Ю. Лотману, новое рождается в диалоге и переводе содержания из одной семиотической системы в другую. В этом контексте мне хотелось бы выразить благодарность моим друзьям и коллегам, в общении и дискуссии с которыми рождались мысли и идеи настоящей книги. Известный науковед и психолог М.Г. Ярошевский выдвинул понятие «оппонентный круг», состоящий из «значимых других», дискуссия с которыми задает систему конструкторов (в терминах Дж. Келли) — своеобразных рельсов, по которым движутся и направляются наши мысли. Мой оппонентный круг — это мой друг и объект моих вечных нападок, талантливый исследователь сознания и человек искус-

ства Виктор Аллахвердов; блистательный Александр Асмолов — поэт в психологии, ученый и публицист; скромный и предельно доброжелательный, увлеченный наукой исследователь сознания Гарник Акопов; глубоко эрудированный и тщательный психофизиолог Юрий Александров; изобретательный экспериментатор Владимир Барабанщиков; тонкий клиницист и христианский психолог Борис Братусь; лидер когнитивной психологии Борис Величковский; ироничный и ранимый, специалист в области компьютерной психологии и Интернета Александр Войсунский; исследователь об-разной сферы и христианский психолог Андрей Гостев; иска-тель истины и правды, специалист в области понимания Виктор Знаков; поэтесса и психолог в области музыкального творчества Галина Иванченко; психотерапевт и клиниче-ский психолог Лариса Карнацкая; философ по образованию, психолог и методолог И.Н. Карицкий; буддолог и врач тибет-ской медицины Николай Каратуев; психолог и священник Григорий Логвиненко; социолог, создатель концепции «кле-точной глобализации» и автор книги «Лабиринты одиноче-ства» Никита Покровский; теоретик и практик психотера-пии, автор первых отечественных монографий по проектив-ным техникам Елена Соколова; ниспровергатель основ и специалист в области «Big History», автор теории техногу-манитарного баланса Акоп Назаретян; психосемантик, соче-тающий в себе естественнонаучный и гуманитарный стили мышления, автор книги по квантовой психологии Анато-лий Супрун; йог и писатель Андрей Сидерский; скромный и увлеченный своими исканиями в области психологии мышления Володя Селиванов; талантливый психолог, к со-жалению, ушедший в бизнес, Владимир Столин; суровый и добрый педагог игумен Георгий (Шестун). Всем им — моим бессменным первым читателям и критикам — моя благодарность.

Помимо круга ближайших (географически) друзей-коллег мне приятно благодарственно вспомнить близких мне по духу коллег из дальнего замосковия: Эдуарда Галажинского, Виталия Ключко, Валерия Кабрина, Генриха Залевского, общение с которыми в психологической школе Горного Алтая и Томском государственном университете оставило глубокий след в моих духовных исканиях. Эта же тема сблизила меня с лидерами отечественной трансперсональной психологии Владимиром Козловым и Владимиром Майковым — психологом и философом, двумя глубокими мыслителями и талантливыми практиками, благодаря собственным работам, а также инициированному ими переводу десятков книг И. Грофа, Ч. Тарта, К. Уилбера, Г. Ханта, А. Минделла, М. Мэрфи, Р. Фрейджера и других создавшими новую, связанную с проблемой духовности область отечественной психологии. Духовные практики Козлова и наша совместная с Майковым поездка в центры трансперсональной психологии Калифорнии расширили круг интересующих меня проблем и оказали на меня большое влияние. Мои философские воззрения несут в себе отпечаток моих контактов и общения в отделе философии, социологии, психологии и права РАН с академиками В.А. Лекторским, В.С. Степиным, А.А. Гусейновым, Т.И. Озерманом, моим другом член-корреспондентом И.Т. Касавиным. Их работы, талант и эрудиция, бесспорно, способствовали росту моего философского мировоззрения.

К значимым другим, опыт и мудрость которых я высоко ценю и к мнению которых прислушиваюсь в моем оппонентном кругу, я отношу моих старших коллег Е.А. Климова и В.П. Зинченко, Г.М. Андрееву, А.А. Бодалева, К.А. Абульханову-Славскую, Л.И. Анцифирову, И.А. Зимнюю, В.С. Мухину, Д.А. Поспелова, Т.Н. Ушакову — очень разных, но равно зна-

чимых для меня людей. В мой оппонентный круг входят и уже умершие мои учителя А.Н.Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.А. Леонтьев, Б.В. Зейгарник, Е.Д. Хомская, Ю.М. Лотман. Их нет в этом мире, но они остались моими собеседниками, эталоном профессионализма и человечности, как, впрочем, и Л. С. Выготский и М.М. Бахтин, с которыми я никогда не встречался, ибо нас разделяет непреодолимый ров времени, но которых считаю своими учителями.

Отдельно я хочу поблагодарить моих сотрудников и учеников Владимира Кучеренко и Ольгу Митину, Андрея Рассохина, Татьяну Менчук, Ольгу Сапсолову, Игоря Каменева, Алексея Улановского, Евгению Коротченко. Все они помогли мне в исследовательской работе, со всеми ними я имею совместные публикации. С Ольгой Митиной мы написали множество статей по политической психологии и две монографии, а Владимир Кучеренко — не только мой ученик и друг, еще со студенческой скамьи, но и мой учитель гипнозу, тонкий, проницательный психотерапевт и феноменолог. Всем им спасибо.

глава

IV

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ
ПАРАДИГМА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКЕ

Конструктивистская парадигма в психологической науке

Эволюционная парадигма мышления, подготовленная философскими идеями становления (Г. Гегель) и развития (Монетти, Ж.Л. Бюффон, И.Г. Гардер, М.Ж. Кондерсе), возникла в биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), затем была успешно перенесена в социологию (Г. Спенсер, К. Маркс), историю (Школа Аналов: Ж. Ле Гофф, М. Блок, затем — А.Я. Гуревич), теорию ноосферы (Э. Леруа, В.И. Вернадский, Тейяр де Шарден), лингвистику (младограмматики: А. Шлейхер, Д. Пауль, А. Потенбня; в XX веке А. Мейе, Э. Бенвенист), космологию (А. Фридман, Г. Гамов, Э. Хаббл), эволюционную генетику (И.И. Шмальгаузен, А.Н. Северцов), психологию (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Дж. Келли). Идея качественного развития различных форм материи и духа стала важнейшим атрибутом научного, да и житейского сознания.

Эволюционная парадигма фиксирует возможность изменения законов функционирования системы по мере прохождения ею некоторого временного отрезка, траектории, исторической эпохи, цикла развития, жизненного пути.

Другой вектор становления эволюционного сознания, представленный синергетикой, или теорией диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), связан с вызревающей парадигмой потенциальной множественности возможных путей развития, множества траекторий, где ставшее актуально существующим бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из устойчивых состояний, к которым могла бы прийти эволюционирующая система. Применительно к истории возможность сослагательного накло-

ния — «что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события», как в этом случае развивались бы обстоятельства и формировались общественный менталитет и культура, — осуществил А. Дж. Тойнби (1991).

В отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии всегда как имплицитно, так и эксплицитно (яркий пример — культурно-историческая концепция Л.С. Выготского) присутствовали идеи эволюционизма и активности познающего субъекта. Однако базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики на стадии ее адаптации и приспособления к природной среде (вспомним, например, «Проблемы развития психики» А.Н. Леонтьева с его сенсорной, перцептивной стадиями и стадией интеллектуальных операций), на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозить его развитие. Метафора отражения в самом базовом образе содержит элемент вторичности психической активности, ее реактивности. Например, уже на уровне физиологии активности Н.А. Бернштейн вводит понятие «**модель** потребного будущего»; работы же П.К. Анохина, отдавая дань стагнирующей идеологии, вводят понятие «опережающее отражение». Само развитие теории физиологии активности неизбежно выводит методологию за рамки базовой метафоры отражения. «Опережающее отражение» — это, по сути, оксюморон. Другой пример исчерпания базовой метафоры дает, например, теория искусственного интеллекта, где особую роль приобретают базы знаний, экспертные системы с рефлексией, т. е. включающие уровни метаязыка, описывающего собственную базу знаний — знания о знании (Д.А. Поспелов). Проблема рефлексии знания, конечно, ключевая и для человеческого сознания. Но опора на метафору отражения потребовала бы воображения такого плохо описываемого образа

«слоистого отражения», который мог бы породить только сюрреализм Дали.

Могут показаться излишними мои атаки на базовую метафору теории отражения. В конце концов в истории языка имеется много примеров, когда содержание слова утрачивает связь с породившей его метафорой и слово со стершимся образом становится термином-ярлыком. Но возьмем для примера физику, где трактовки электрона как частицы или как волны имели длительную историю борьбы и дискуссий. Фотоэлектрический эффект и данные о квантованном излучении при люминесценции давали трактовку в пользу частицы, а феномены дифракции и интерференции при прохождении пучка электронов через щель свидетельствовали в пользу волны. Фиксация на том или ином образе-метафоре направляла ход мысли того или иного теоретика, и противоборство школ было достаточно острым. И уравнение Э. Шрёдингера, описывающее функцию распределения плотности материи, строит уже вероятностную модель, как бы снимающую две предыдущие образные метафоры. Здесь можно сослаться на то, что понимание абстрактных теорий требует некоторой образности и феномен «вторичной визуализации» абстрактных терминов описан в психологической литературе. Сошлемся на свидетельство Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит образами.

Но вернемся к психологии, в случае которой, я полагаю, проблема критики базовой метафоры имеет более глубокий смысл.

Обратимся к краткому психологическому словарю под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, который на сегодняшний момент является наиболее поздним и полным справочником отечественной психологической науки. Он дает такое определение: «Сознание — высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу» (Петровский, Ярошевский, 1990, с. 368). Я не знаю, кому конкретно принадлежит авторство данной словарной статьи, но это, так сказать, школьное опреде-

ление, пришедшее из учебников по философии, и средний студент на экзамене по психологии норовит воспроизвести именно это определение. В последнем издании словаря 1998 года к этому определению добавилось еще и следующее: «Сознание — это высший уровень психического отражения и саморегуляции», что не меняет существа дела.

Что же отражает сознание? Действительность? Последнее предполагает нечто существующее само по себе (безотносительно к познающему субъекту), законы которого и изучает познающий субъект (так сказать, отражает). Эти представления стали расхожей нормой. Они базируются на школьной, вульгарной трактовке диамата, которую насаждала официальная идеология. (Отмечу, что в отечественной философии всегда существовали и более глубокие умы, но они были поставлены в такие условия, когда их влияние на общественное сознание и, в частности, психологическую науку было сведено к минимуму. Я говорю о некоем нормативном общественном сознании, с позиций которого принято рассуждать о законах физики, законах природы, законах функционирования общества.)

Взамен бессубъектного понятия «действительность» С.Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание» и особенно в книге «Человек и мир» вводит в психологическую литературу понятие «бытие». «Бытие как таковое, — пишет он, — как сущее — это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т. е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн, 1997, с. 9). И далее: «Познающий субъект — это человек, сущее, наделенное сознанием, расположенное внутри сущего. Таким образом, исходным является онтологическое отношение различных сущих, сущих с различным способом существования, а познание — это осуществляющееся внутри онтического отношения различных сущих» (там же). Здесь обнаруживается некоторая двусмысленность при сведении всего сущего к «объективной реальности».

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия (там же, с. 19). Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10).

Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается «мир существования как мир человеческого страдания» (там же, с. 19). Рубинштейну вторит М.К. Мамардашвили (1996), говоря о том, что бытие — это жизнь, в которой я сам участвую.

Проблема пристрастности бытия, включенности человека в мир, мир человеческой культуры, приводит, на наш взгляд, в рамках сходной логики и А.Н. Леонтьева в позднейший период его творчества к понятию «образ мира», где он говорит о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это — «смысловое поле», система значений.

«Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного предметного мира. Это и есть пятое квазиизмерение его!» (Леонтьев, 1979, с. 6).

Но система значений как носителей общественного сознания подразумевает введение в объект познания мира человеческой культуры. Тем не менее Леонтьев строго следует материалистическому пуризму, говоря о «внутрисистемных связях **объективного** предметного мира». Однако введение значения «как единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский), в самую ткань образа мира, а значит, и имманентно позицию наблюдателя, вводит культурно-историческую составляющую в объект познания. Как тут не вспомнить дискуссию А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, где Леонтьев, отрицая прямую трансляцию ориентировочной основы действия из материальной формы

в речевую (согласно теории поэтапного формирования), говорил о том, что содержание, будучи выраженным в речи, в системе значений, неизбежно входит в новые связи и расчленения. В рамках этой последней работы «Психология образа» А.Н. Леонтьев, переключаясь с Ж. Пиаже и Дж. Брунером, пишет о построении «в сознании индивида многомерного мира, в котором мы действуем» (Леонтьев, 1979, с. 7). На мой взгляд, здесь уже содержатся идеи конструктивизма.

В дальнейшем эта линия размышлений получила свое продолжение в книге С.Д. Смирнова «Психология образа», в статьях В.В. Петухова о картине мира. Особое место занимает статья В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили «Проблема объективного метода в психологии», где авторы обосновывают правомочность понятия «психическая реальность» (Зинченко, Мамардашвили, 1977). В философской и психологической литературе термин «объективный» (например, объективные методы) часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциальной трактовки объективного как доступного остепенциональным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную психику и деятельность, наделяя этим статусом и фантазию, и вымысел. «Субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на „языке внутреннего“» (Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 116).

О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что «эти патологические формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности» (там же, с. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического